

Олег Кожин

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ
75

Драконье лето
Заповедник монстров

Олег Игоревич Кожин
Большая книга ужасов 75
Серия «Большая книга ужасов»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34750496

Большая книга ужасов 75 / Олег Кожин: Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-699-97863-2

Аннотация

Герои этих историй – обычные подростки, оказавшиеся в не самых обычных обстоятельствах. Лицом к лицу они сталкиваются с тем, что всегда считали выдумками. Страшными сказками. Но если чудовища существуют на самом деле, то как можно их победить без помощи волшебных мечей и заклинаний?

В сборник вошли две повести: «Драконье лето» и «Заповедник монстров».

Содержание

Драконье лето	5
Сима	5
Жан	9
Серый	18
Сима	25
Юрка	31
Жан	43
Серый	50
Тоха	54
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Олег Кожин

Большая книга ужасов 75

© Кожин Олег, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Драконье лето

Сима

Если откроешь дверь незнакомцу, он может похитить тебя или даже совсем убить. Сима знала: когда сидишь дома одна, к дверям лучше вообще не подходить. Но сейчас дома был папа, отсыпался после ночной смены. С папой ничего не страшно! Он может двенадцать раз поднять гирю правой рукой и десять раз левой и даже может сдвинуть шкаф, чтобы достать потерянный радужный шарик. Сима пробовала двигать шкаф, но силенок пока хватало только на табуретку.

Эту самую табуретку она, пыхтя от усердия, тащила с кухни. Дверной звонок дребезжал требовательно, но папа спал как убитый. Час назад заботливая Сима поставила ему в изголовье стакан воды и натянула на плечи ватное одеяло. Папа одеяло отпихивал и что-то недовольно мычал, но так и не проснулся. Когда запиликал мобильник, он просто придушил его подушкой. Даже глаз не открыл. А звонка в дверь он, наверное, и вовсе не слышал.

– Минуточку! – по-взрослому строго сказала Сима закрытой двери.

Нужно было встать на табуретку, заглянуть в глазок и спросить: «Кто там?» – этот нехитрый алгоритм Сима вы-

учила еще в три года. А теперь ей почти четыре с половиной! Звонок притих, сменился настойчивым стуком.

– Доча, это я! Открой, пожалуйста...

Толстая дверь совсем не заглушала звонкий мамин голос. Он как будто звучал в самой прихожей и, усиленный подъездным эхом, гулко троился.

– Мамочка! – радостно воскликнула Сима, поворачивая защелку.

Она не встала на табуретку, не заглянула в глазок. Это незнакомцам нельзя открывать, а мама – знакомец! Мама удивится и обрадуется, что дочь такая самостоятельная, погладит ее по голове и назовет взрослой и помощницей, а папу назовет сплюхой! Защелка хрустнула, с той стороны мама нажала ручку, потянула на себя... Но дверь не открылась.

– Симочка, в чем дело?! Открой скорее! – настойчиво попросила мама.

– Сейчас, сейчас!

Старый замок иногда заедало. В таких случаях мама отчитывала папу за то, что он ленится сходить в строительный магазин, а папа говорил нехорошее слово. Со старым замком можно было жить – нужно было только надавить на него хорошенько и резко провернуть. Механизм дважды лязгнул вхолостую. Ручка заходила ходуном, затряслась дверь.

– Сима, в чем дело? Открой эту чертову дверь! – голос мамы звучал сердито.

– Да сейчас же, сейчас, мамочка!

Сима обиженно надула губки. Разве она виновата? Разве на нее нужно злиться, что замок плохо работает, а кое-кто опять не взял ключи? Сима бросила взгляд на тумбочку возле зеркала, где лежала забытая мамой связка, и вдруг опасно отодвинулась вглубь коридора. Ключей не было. Она сама сунула их маме в руку утром, перед работой – звонко чмокнула в румяную щеку и вложила в протянутую ладонь связку. Дверь затряслась сильнее:

– Сима, я сказала, открой мне дверь, живо! Слышишь меня! Живо открой чертову дверь! Если открою я – будет хуже!

Сделалось холодно. Сима зябко обняла себя, потеряла плечи. Ладони оказались потными, и стало только хуже. Странно, но злой мамин голос не сделался тише. Мамин? А мамин ли это голос? Самым строгим в семье был папа, он и прикрикнуть мог – но мама? Мягкая, теплая, пахнущая выпечкой и духами мама? Даже когда они ссорились с папой, она никогда не повышала голоса! Сима придвинула табуретку и, пока не покинула решимость, отодвинула шторку глазка.

– Ты слышишь меня?! Я сказала, открой мне дверь! Впусти меня! Быстро впусти меня! Открой! Открой! Впусти меня в дом!

Сима отшатнулась и едва не сверзилась с табуретки. Коридор был пуст. Дверь вибрировала от ударов, тряслась ручка, захлебывался звонок, и голос, так похожий на мамин, говорил страшные, страшные, страшные вещи, но коридор был

пуст.

– Открой дверь! Живо открой мне дверь, я кому сказала?! Ты не представляешь, что я с тобой сделаю, маленькая паршивка! Слышишь?! Впусти! Меня! Сейчас же!

За дверью выло и бесновалось то, что не было мамой. В комнате на кровати звездочкой раскинулся папа. Он негромко сопел и, казалось, ничего не слышал. Сима забилась в проем между стеной и шкафом, плакала и тряслась от ужаса.

Старый замок заедало. Иногда это было к лучшему.

Жан

Сильвера подкосило на третий день каникул. Тоха с Юркой играли на детской площадке в «лесенку», по очереди подтягиваясь на счет, и видели, как у шестого подъезда остановилась покрытая пылью машина «Скорой помощи». Спустя десять минут замученные санитары в мокрых от пота голубых робах, пыхтя и отдуваясь, вытолкали на улицу тележку с пациентом. Следом вышли молоденькая врачиха и попуриый Серый. Они о чем-то коротко поговорили, после чего санитарка укатила в больницу, а Серый поплелся к друзьям на площадку.

Юрка, в очередной раз проигрывая, поспешил воспользоваться случаем. Пошел навстречу Серому, протягивая ладонь для рукопожатия. Тоха с победоносной ухмылкой завершил серию, зависнув на перекладине, гаркнул: «Семнадцать!» – и спрыгнул на землю. Взъерошил ежик рыжих волос, стянул промокшую майку. Полуденное солнце превратило небольшой петрозаводский двор в филиал пекла. Лишь на детской площадке, в жидкой тени пожухших тополей, можно было сидеть, не боясь получить тепловой удар.

– Привет, Серёня! Че кислый такой? Лимон съел?

– Сильвера в больницу увезли, – вместо приветствия промямлил тот. – С сердцем что-то. Он вчера звонит такой, говорит, типа молоко закончилось, масло, ну и всякое там. Я

за списком продуктов зашел, думал заодно и полы помыть, как раз время подошло, а он в прихожей валяется. Сипит, глаза пучит, белый весь – чисто зомби! Я чуть на улицу не сквозанул!

В компании Серый был старше всех на целых два месяца, но на фоне друзей выглядел мелкотой. Невысокий, тощий, белобрысый, вечно обряженный матерью в дурацкие рубашки-поло, у которых менялся только цвет и расположение кармана, он никак не тянул на восьмой класс. Тонкие губы его заострились уголками вниз, придавая лицу совсем уж обиженно-детское выражение. Приступ Сильвера Серый переживал, как свой собственный.

Ивана Георгиевича Авдеева прозвали Сильвером из-за моряцкого прошлого и протеза, заменившего левую ногу от колена до стопы. Он не курил трубку и не пил ром, но от его морщинистого смуглого лица веяло солеными морскими брызгами. В глаза Сильвером его называли только мальчишки – знали: как бы старик ни хмурился, на самом деле прозвище ему льстит.

– Во как! – присвистнул Юрка. – Что врачиха сказала? Помрет?

– Сплюнь! – Серый замахал руками. – Он со мной за прошлый месяц не рассчитался, обещал в этом за два сразу. Такая засада, блин...

– Дааа... – с притворной грустью протянул Юрка. – Плакал твой иксбокс...

– Замолкни уже, блин! Хватит! – окрысился Серый.

– Пацаны, брейк, – примирительно прогудел Тоха. – Сильвер мощный дед, выкарабкается.

Запиликал домофон, и из третьего подъезда, сиганув через все крыльцо, вылетел Жан со спортивной сумкой через плечо. Из сумки торчала рукоять меча, перемотанная вытертым кожаным ремешком. Короткая широкая гарда щерилась боевыми зарубками. С виду как настоящая. И не скажешь, что вместо клинка – обшитая утеплителем трубка. Откинув с лица длинную соломенную челку, щурясь от яркого солнца, Жан оглядел двор. Заметив ребят, вразвалочку направился к площадке.

– Тоха. Юрец. Серый.

Жан хлопал протянутые ладони, точно пересчитывая друзей. Тряхнул головой, отбрасывая волосы, вроде как невзначай засветил золотую серьгу в левом ухе. Мочка все еще была красной и распухшей. Восьмой класс без троек в годовом аттестате дался Жану непросто, зато родители обещание сдержали. Родители Жана всегда играли честно, и это работало. Когда за выпускной аттестат без троек светит что-то по-настоящему крутое, любой мальчишка поневоле задумается.

– Оторвут, на фиг, в первой же драке. – Тоха щелкнул по серьге ногтем.

– Могут попытаться, – ухмыляясь, поправил Жан. Тоха неодобрительно покачал головой.

– Слыхал, Сильвера в морг увезли?! – встрял Юрка.

– Чего несешь, трепло?! В больницу, а не в морг, – зло поправил его Серый. – Откуда бы он услышал? Пять минут назад «Скорая» уехала.

Жан нетерпеливо отмахнулся:

– Да Сильвер каждые полгода в больничку катается! Вы лучше вот что... Клео во дворе не видели?

Мальчишки помотали головами. Клеопатра – двухгодовалый сфинкс, лысая и уродливая, как все сфинксы, была любимицей родителей Жана и абсолютно домашней кошкой. Увидеть ее на улице можно было только в переноске, во время семейной вылазки на природу или поездки к ветеринару.

– Печалька... – Жан вздохнул, почесал макушку. – Дома духотища, все окна нараспашку, балкон нараспашку. Мамка думает, что Клео с окна навернулась.

– Не, ты все-таки дома поищи, – посоветовал Юрка. – В прошлом году тоже родители кошака потеряли. Я с ними весь вечер по подвалу ползал, а он, зараза, на балконе в коробку пустую залез и дрых там, пока не проголодался.

– Ты на треньку? – Тоха кивнул на сумку. – Бросай уже игрушки свои, давай к нам, в зал!

– Историческое фехтование – это жесткий и бескомпромиссный спорт для настоящих мужчин, – как по писаному отбарабанил Жан, неосознанно копируя манеру речи своего тренера. – Ты новые ролики с Битвы наций смотрел? Я тебе вчера «вконтактке» скидывал. Вот где жесьть!

– Да видел. Ни фига не понятно, – скривился Тоха. – Толпа на толпу с палками и железяками – какой это, на фиг, спорт?! У моей бабушки в деревне старшие пацаны так после каждой дискотеки тренируются...

– Сравнил теплое с мягким! – Жан презрительно скривился. – Ладно, я поскакал. Вы это, если Клео увидите, постарайтесь поймать, лады?

– Лады, лады, – ответил Тоха за всех. – Seriously, приходи в качалку, я тебя за десять минут вымотаю!

– Придешь к нам – вымотаю тебя за три!

Жан сверкнул улыбкой и быстро зашагал к выходу со двора. Тоха с Юркой вернулись к турнику. Серый, потоптавшись на месте, пошел с ними. Лето обещало быть долгим, жарким и чертовски скучным. Никто не мог знать заранее, что оно просто притворяется. Разве что Сильвер. Но он не дожил даже до вечера.

* * *

Клео не нашлась ни этим днем, ни следующим. Родители Жана, очень уважаемые и солидные люди, выглядели непривычно чумазыми и растрепанными – они облазили не только свой двор, но и с десяток соседских. Насквозь прошли подвал, заглянули за каждый мусорный контейнер, перетрясли все кусты. Жан не очень жаловал семейного питомца – Клео была кошкой взбалмошной и своенравной, в

плохом настроении могла сильно оцарапать, буквально ни за что, – но ее очень любила мама, а маминых слез Жан не выносил.

Фото потеряшки он нашел без труда. В любом альбоме с семейных посиделок неизменно присутствовало пять-шесть кадров снисходительно-презрительной морды Клео. Поколдовав пять минут, Жан состряпал объявление. С трудом поборол жгучее желание оставить приписку «Кто найдет – заберите себе!», тяжело вздохнул и все же стер. Шутки шутками, а мама тосковала без Клео всерьез. Жан распечатал два десятка листов, вооружился степлером, сунул в карман рулон скотча и отправился окучивать ближайшие дворы.

Вечер выдался зябким. Столбик термометра, уже давно не падавший ниже двадцати градусов, вдруг откатился к отметке плюс пятнадцать. С Онежского озера, напившись прохлады, налетал не по-летнему стылый ветер, трепал волосы, забирался под футболку. Разбиваясь о каменные бока сталинских пятиэтажек, массивных, точно отдыхающие динозавры, он терял силу и не сильно донимал Жана, но стоило выйти из-под их защиты, как предплечья покрылись гусиной кожей, а затылок съежился.

Оставшуюся половину объявлений Жан хотел расклеить на основных беговых маршрутах. Каждый вечер в парке не протолкнуться от бегунов, велосипедистов и мамочек с колясками. Клео кошка приметная, если она была здесь, кто-нибудь наверняка запомнил. Может, ее даже подобрали, хо-

тя в то, что сварливая Клео добровольно пошла в незнакомые руки, Жан верил слабо. Пригвоздив последнее объявление к дереву неподалеку от уличных тренажеров, он спрятал степлер в карман и уже совсем было собрался бежать домой отогреться горячим чаем с вареньем, как его окликнули:

– Жанчик? Жанчик, а ты чего тут так поздно гуляешь? Мама-то, поди, обыскалась тебя?

Обладательницу скрипучего голоса Жан узнал сразу. Только один человек на всем белом свете называл его мерзким, противным, исковерканным именем «Жанчик». Клавдия Ивановна, сухонькая востроносая старушка, живущая двумя этажами ниже. Несмотря на вечные жалобы на боли в ногах, она всегда умудрялась быть в самой гуще событий. На каждом общедомовом собрании, на всех лавочных посиделках, в любом месте двора, где собиралось больше пяти человек, несмазанной дверью скрипел ее голос.

– Я в окошко смотрела – мама твоя по двору ходит, ищет тебя! И не стыдно?! Родители с ног сбились, а он тут шлындает!

Клавдия Ивановна завелась не на шутку. Ругать распущенную молодежь она считала своей прямой обязанностью, и повод для этого подхватывала любой, даже самый формальный. Жан собрал все терпение, всю заложенную родителями интеллигентность и ответил с холодной учтивостью:

– Она не меня ищет, а кошку. Клео наша убежала.

– Клеопатра убежала?! – захохла Клавдия Ивановна. – Ты

подумай, а?! Ну такая славная кошечка, такая воспитанная, благородная – и туда же! Моя Альма ведь тоже убежала...

Только сейчас Жан заметил в сухих пергаментно-желтых руках мятые листы, исписанные ломаным детским почерком, и тюбик канцелярского клея. Клавдия Ивановна тоже развешивала объявления. Кошек у нее было то ли пять, то ли семь, по этому вопросу двор так и не пришел к единому мнению. Честно говоря, Жан знать не знал, как выглядит эта Альма, и слушал старушку вполуха, пока в нескончаемом потоке пустой болтовни не промелькнуло кое-что необычное.

– Что, простите? – переспросил он.

– Я говорю, у Анны Геннадьевны из семьдесят третьей пекинес такой маленький. – Клавдия Ивановна развела ладони, показывая размеры собачки. – Тоже сбежал! А звери – они ведь все чувствуют, все-все! Я по телевизору видела: в Японии перед землетрясением все кошки из города уходят! И собаки убегают, если не привязаны, а если привязаны, то воют так, что уж лучше бы их отпустить! А всякие там воробьи да вороны, уж на что глупые птицы, так ведь тоже бегут! Все бегут! Вот и наши побежали! Ой, что-то будет, ну точно что-то будет!

– Да ну, наши-то...

Жан не закончил, сообразив, что уже с неделю не видел ворон, облюбовавших кривую березу, растущую неподалеку от детской площадки. Да и голуби, эти вечно голодные курлыкающие крысы с крыльями, давненько не прилетали по-

клевать хлебных крошек, что высыпали рядом с мусорными баками заботливые пенсионеры. Кучка из черствых крошек росла, крошки втапывались в пыль, и никто не замечал пропажи большой голубиной стаи. Жан поймал себя на том, что прислушивается, не дрожит ли под ногами земля. «Тьфу ты, черт! – разозлился он. – Повелся на бабкины бредни, как последний лопух!»

Он наскоро распрощался с Клавдией Ивановной и, растирая руками плечи, поспешил домой, в тепло. Но даже в родных стенах, согретый обжигающе горячим чаем, он не мог до конца растопить холодные и тревожные мысли, прочно сидящие в голове, и все скакал с сайта на сайт, читая истории о животных, покинувших город накануне большой беды. Клео, Альма и пекинес Топа, три зверушки – уже тянет на закономерность. А ведь есть еще птицы. Ложась спать, Жан подумал, что пусть он будет выглядеть круглым дураком, но такими новостями просто необходимо поделиться с друзьями.

Серый

Когда не любишь белые ночи, против воли начинаешь радоваться пасмурной погоде. Серый знал, что еще неделя-другая – и даже самые косматые и страшные тучи не смогут полностью унять назойливый солнечный свет. Но сейчас, пока белые ночи не вошли в силу, подползающая к Петрозаводску гроза погрузила город в плотный сумрак, с каждой минутой становящийся все темнее и темнее. Родителей дома не было – мама засиделась с подружками, а папа работал в ночную смену, но Серый не чувствовал себя неуютно. Один дома он ощущал себя полновластным хозяином, правителем трехкомнатного королевства. Мог включить музыку на полную громкость, или смотреть фильмы ужасов, лежа в кровати в обнимку с миской попкорна. Мог питаться одними бутербродами, и никто не упрекал его, что он давится сухомыткой. Мог даже – о ужас! – пить молоко прямо из пакета! Узнай о таком мама – и не избежать неприятного разговора. Так что – да, Серый обожал оставаться дома один.

С балкона открывался приятный вид на парк, самую густую и заросшую его часть. Кутаясь в спортивную куртку, лениво глядя, как ветер перекачивает зеленые волны листьев, Серый через трубочку тянул холоднящий молочный коктейль и думал, какая же, в сущности, прекрасная вещь каникулы! Впереди ожидала целая прорва времени, которую

следовало потратить на мороженое, походы в парк аттракционов и велосипедные прогулки. Умом Серый понимал, что девяносто дней – это не так уж и много: пролетят – и не заметишь. Но от молочного коктейля мысли покрывались коркой льда, а сердце, окрыленное ветром с ароматом цветущей сирени, звонко пело и пророчило бесконечное веселье.

Когда на улице стало совсем зябко, а трубочка в стакане захлюпала остатками, Серый решил перебраться в тепло. Уходя, бросил прощальный взгляд на парк и увидел Хана. Знакомая волчья фигура неспешно трусила по асфальтовой дорожке, вытянутой вдоль парка. Левое ухо разодрано в клочья в давно позабытой драке, правое победно торчит, могучий игольчатый загривок покрыт пепельной шерстью. Сильные кривые лапы с мощными, сточенными об асфальт когтями – лапы настоящего кочевника, не признающего оседлой жизни.

На улице Пушкина Хан появлялся пять-шесть раз в сезон. Измотанный, исхудавший, он благодарно отъедался объедками, что заботливо таскала ему не только детвора, но и взрослые, и снова убегал шататься по городу. В разное время его видели на Ключевой и на Кукковке, в Сулажгоре и даже на Птицефабрике. Людей сторонних вид здоровенной овчарки приводил в трепет, но местные Хана жалели и опекали как могли. Хозяин его, живший в соседнем дворе, умер года три назад, а с родственниками, хорошими и добрыми, но все же чужими людьми, гордый пес ужиться не сумел. Так и

скитался по городу, чудом уходя от облав и переживая зимы.

Пес шел дерганой походкой, подволакивая заднюю лапу, и поминутно останавливался, крутя лобастой башкой. Серый сразу предположил худшее – кончилась песья удача, лохматый словил-таки отравленный дротик от собаколова! Будь Хан поменьше – лежать бы ему сейчас на обочине, пуская пену сквозь сомкнутые клыки, но раз идет и, похоже, идет давно, значит, есть шанс, что закаленный бродяжьей жизнью организм победит отраву. Главное – успеть раньше собаколовов...

Последнюю мысль Серый додумывал, уже выбегая из подъезда. Как был, в потасканном спортивном костюме и растоптанных домашних тапках – только бы мама не увидела! – Серый обежал дом, выскочил со двора на улицу. Проезжая часть пустовала, лишь вдалеке ползли две яркие фары – не они ли преследуют Хана? Перебежав дорогу, Серый призывно засвистел, захлопал ладонью по бедру.

– Хан! Хан, ко мне, мальчик! Ко мне!

«Мальчик» уверенно доставал Серому до пояса, но, услышав знакомый голос, вывалил розовый язык, улыбаясь широкой черной пастью, и вяло завилал репейным хвостом. Пес поковылял навстречу Серому, ткнулся мокрым носом в протянутую ладонь, приветливо лизнул. Серый заметил глубокие алые борозды на впалом боку. Три уродливые полосы лениво сочились кровью. Серый заглянул с другого бока – так и есть! Зеркально отраженные раны были и здесь. От серд-

да отлегло – значит, все же не собаколовы. А раны... ну а что раны? Заживут, Хану не впервой. Хотя такую серьезную трепку...

– Это кто же тебя так, мальчик? С медведем подрался, что ли?

Осторожно касаясь окровавленных боков пальцами, Серый пытался представить себе противника Хана. Выходило что-то среднее между тигром и динозавром. Хан нервно подергивал шкурой, но стоял смирно. Доверял. Лишь настороженно следил умными глазами за парком да шевелил ушами, прислушиваясь.

Серый тоже напряг слух. Подумал, а ведь в самом деле – вдруг обидчик Хана все еще здесь? В унисон его мыслям в парке зашуршала прошлогодняя листва. Быстро-быстро, словно кто-то большой бежал по ней, не особо стараясь двигаться бесшумно. Под невидимой лапой хрустнула ветка. «Под невидимой когтистой лапой, способной вспороть дубленую шкуру Хана», – поправил себя Серый.

Стало неудобно. Шум затих, и Серый понял: сколько ни вглядывайся – в парке не разглядеть ничего, кроме зелени кустов, переплетенной с зеленью деревьев. Он и не заметил, когда вечер перестал быть просто пасмурным и стал по-настоящему темным. Фонари не зажигались – конечно, в Петрозаводске сезон белых ночей, так любимых туристами! – под низкими кронами деревьев расплзлись уродливые тени, похожие на паучьи лапы.

Низкий утробный рык раздался так неожиданно и так близко, у самых ног, что Серый испуганно подпрыгнул. Рычал Хан. Вонзив передние лапы в асфальт, пес не мигая смотрел на ровную стену кустов и с ненавистью клокотал горлом. Что-то шевелилось там, в сыром зеленом мраке. Нарочно похрустывало, шуршало, шелестело, тянуло хищные тени к мальчику и собаке, что, на свою беду, оказались на поздней улице одни. Совсем одни.

Не отрывая глаз от зарослей, Серый неловко попятился. Хан рычал все глуше, все яростнее. Правая нога соскользнула с бордюра, и Серый чуть не вывалился на дорогу. В последний момент поймал равновесие и удержался на самом краю. Обдав его взмокшую спину ветром, мимо, недовольно сигналя, промчалась красная «Ауди». Давящее чужое присутствие тут же исчезло. Серый постоял с минуту, прощупывая взглядом знакомый с детства парк, ставший вдруг таким опасным. Ничего. Никого. Руку поддела широколобая голова – Хан больше не рычал, требовал ласки и внимания. Серый рассеянно почесал его за ухом:

– Пойдем-ка, мальчик, приведем тебя в порядок.

Он сказал это больше для себя, чтобы услышать человеческую речь и успокоиться. Но вопреки всему звук собственного голоса посреди пустынной улицы заставил его задрожать так, что застучали зубы.

Раны обрабатывали в подъезде, сидя на холодных ступеньках. Пока Хан расправлялся с сосисками, Серый осторожно выстригал маникюрными ножницами подранные бока. Очищенные от шерсти раны выглядели еще страшнее – глубокие, длинные, вспухшие по краям. По-хорошему их бы следовало промыть, но Серый решил, что на такие подвиги собачьего терпения не хватит. Дома нашелся бинт и открытый тюбик «Пантенола». Серый выдавливал мазь на бинт и обматывал раны, перехватывая повязку под впалым брюхом.

Покончив с сосисками, Хан облизал ступеньки и кинул благодарный влажный взгляд на своего спасителя. Серый затянул последний узел, похлопал по костлявой спине. От рук воняло псиной – впрочем, псиной теперь вонял весь подъезд. Серый с тоской подумал, что надо бы вывести Хана на улицу, к его любимому месту за детской площадкой, но одна только мысль о том, чтобы вновь оказаться там, в темноте, скрывающей... скрывающей...

Серый чертыхнулся, подумав вдруг: а что, собственно, он там видел? Ну, бегал кто-то по кустам, да. Ну, шуршал громко. Ну, намял кто-то Хану бока. А дальше-то что? Есть собаки и покрупнее Хана. Взять хотя бы Берту, сенбернара из соседнего двора. Да ей Хан на один зуб! А в кустах любая болонка трещит громче двухметрового лося! В конце концов,

никто не выскочил, не попытался их сожрать... Но тогда откуда эти противные ледяные мурашки по спине, стоит только вспомнить об этом? И ощущение враждебного взгляда – оценивающего, цепкого... Почему с такой тоской и надеждой смотрят глаза Хана? От кого ищет защиты бесстрашный бродяга?

Серый передернул плечами, скидывая неприятную дрожь. Сходил на кухню за веником, тщательно смел стриженую шерсть со ступеней. Хана отвел на самый верх, на пролет между чердаком и пятым этажом. Здесь было тепло и сухо и можно было переждать утро, не попадаясь на глаза взрослым. Хан нервничал, все норовил пойти за Серым, и огромного труда стоило уговорить его остаться. Огромного труда и еще одной пачки сосисок.

Вернувшись домой, Серый первым делом включил везде свет. Даже в туалете и ванной комнате. Было в парке что-то или не было, но со светом он чувствовал себя спокойнее. Серый включил телевизор, забрался с ногами на диван и закутался в одеяло. Он твердо решил дождаться маму и только потом ложиться спать. Даже самому себе Серый отказывался признаваться, что один, в пустой квартире, заснуть попросту не сможет.

Сима

Мама привела ее на площадку и сказала «Недолго». Она пекла рыбный пирог и приглядывала за Симой из окна. Видимо, ей казалось, что дочке нравится играть на улице. На жаре песок высох, стал рассыпчатым и никак не желал лепиться в куличики. Бесформенные кучки, десять штук в рядок, и Сима упрямо утрамбовывала в ведерко одиннадцатую. Жгучее солнце, от которого не спасала тень пластикового грибочка, утомило ее, даже косички висели бессильно, как умирающие от обезвоживания змеи. Сима мечтала о персиковом соке – на дверце в холодильнике стоял почти полный пакет, – но продолжала ковыряться в песочнице. Пустой подъезд наводил ужас, и Сима терпеливо ждала, когда по двору пройдет кто-нибудь из соседей, чтобы можно было пристроиться в хвост.

Сима не хотела расстраивать родителей. Когда папа отыскал ее за шкафом, бьющуюся в истерике, он неслабо перепугался. Не разбираясь во времени, Сима не могла сказать, сколько она там просидела, знала лишь, что это было очень-очень долго. Даже когда страшные крики прекратились, а дверь перестала трястись, Сима боялась вылезти из своего убежища и лишь тихо скулила – слезы закончились. Она долго не могла прийти в себя и до сих пор вздрагивала, слыша мамин голос, но так и не рассказала родителям о том, что ее

напугало.

У турников околачивались старшие мальчики. Юра жил с Симой в одном подъезде, только на третьем этаже. Он был смешной, губастый и длинноносый. Юра называл ее мелкой и иногда угощал конфетами. Сима искоса поглядывала в надежде, что он соберется домой. С ним можно спокойно дойти хотя бы до третьего этажа, а если обогнать, то можно успеть добежать до пятого, только Юра все сидел на корточках и плевался на утопанную землю.

Еще были рыжий Антон и Жан. Жан из них самый красивый, только прическа у него смешная, как у девочки. Рыжий Антон висел вниз головой, зацепившись за перекладину ногами и раскинув руки. Когда он раскачивался, Сима крепко зажмурилась. Ей казалось, что он вот-вот сорвется. Мальчишки о чем-то горячо спорили. Мама, конечно, много раз говорила Симе, что чужие разговоры подслушивать нехорошо, но мальчишки не таились, так что она вроде как и не подслушивала.

– Ну конечно, ага! Баба Клава – авторитет!

Рыжий Антон кивнул. Получилось это очень смешно, потому что кивнул он снизу вверх. Сима хихикнула.

– Она ни одной передачи по «Рен-ТВ» не пропускает. Про пришельцев, про экстрасенсов, про барабашек всяких. Да у нее уже шарики за ролики давно заехали с этим телевизором!

– Пусть не авторитет, но она заметила, что птицы пропали,

а мы не заметили, – рассудительно ответил Жан. – Так что шарики у нее еще ого-го!

– Серьезно, птиц нет, – вставил Юра.

Сима огляделась и с удивлением поняла, что птиц действительно нет. Ни ворон, ни вездесущих голубей, ни даже нахальных воробьев. Сима с опаской покосилась на свой подъезд. Подъезд ответил ей безразличным взглядом тусклых, плохо вымытых окон. Пospешно отвернувшись, Сима перевернула ведро с песком и принялась тщательно обстукивать его лопаткой. Мальчишки продолжали спорить.

– ...да все кошки весной гуляют! Клео что, особенная? Нагуляется и придет...

– Тоха, ты вообще непробиваемый! – Жан начал терять терпение. – А как насчет Альмы? А Топа вообще пес – они тоже по весне гуляют? И вообще лето уже!

– Топа дурной, убежал и где-нибудь под машину попал, или бомжи его сожрали, – невозмутимо ответил Антон, от долгого висения вниз головой ставший уже не рыжим, а пунцовым. – Альма залезла под диван и сдохла. У бабы Клавы так воняет, что она и не почувствует. Как тебе такой ответ, а? Может такое быть? Может!

Он раскачался, ловко крутанулся, и приземлился на ноги, четко, будто точку в споре поставил. Юра снова сплюнул на землю и кивнул, соглашаясь. Жан беспомощно переводил взгляд с одного на другого, и Симе было его даже жалко, хотя она не могла понять, о чем вообще идет речь.

– Хорошо. Хорошо, – Жан упрямо сжал губы. – А с Ханом что?

– А кто его знает, – безразлично пожал плечами Антон. – Вон он плетется, сейчас посмотрим.

Из-за дома, припадая на заднюю лапу, ковылял перемотанный грязными бинтами Хан – бродячий пес, страшный и лохматый. Сима побаивалась его, хотя остальные малыши тягали его за уши и за хвост и он ни разу никого не укусил. Рядом с Ханом, почесывая его за ухом, шагал Сережа, очень вежливый и опрятный мальчик. Симе он всегда казался самым тихим из этой компании, которую Симин папа называл не иначе как «банда». Когда он их видел, то прямо так и говорил: «Вся банда в сборе!»

Ребята присели перед Ханом, аккуратно сняли одну повязку, принялись многозначительно цокать языками и перебрасываться короткими фразами, из которых Сима поняла, что пса кто-то покусал или поцарапал и что рана была «нунифигасебеваще!».

– Мдааа... – наконец протянул Антон. – Вот это уже странно, без вариантов.

– Ну, а мы что говорили? – Жан пихнул Сережу локтем. – У нас тут какая-то зараза прямо под носом таскает собак и кошек!

– И птиц... – многозначительно вставил Сережа.

– Мдааа... – повторил Антон, задумчиво глядя Хана по довольной улыбающейся морде.

– Что-то он дохлый совсем. Надо бы подкормить, – сказал Юра, поднимаясь. – У меня мамка куриных ножек нажарила. Сгоняю прихватчу парочку.

Сима поспешно засобиралась, вытряхнула из ведерка песок, покидала туда лопатки и поспешила к подъезду. Еле успела – Юра заметил ее и придержал дверь:

– Что, мелкая, нагулялась?

Он улыбался так искренне, что Сима вдруг выпалила:

– Юра, ты только быстро не беги, пожалуйста!

– Что? – не понял Юра, останавливаясь.

Потупившись, Сима пробормотала:

– Я с тобой пойду. Можно?

– Вот это новости! – удивился Юра. – Ну ладно, раз так.

Пошли, проведу.

Сима едва не запрыгала от радости. Подъезд перестал казаться темным и мрачным. Стены посветлели, потолок больше не нависал, а тени в углах оказались всего лишь тенями. Сима шла рядом с Юрой и старательно гнала мысль о том, что-то страшное, невидимое – вдруг оно совсем не боится Юры? Ведь Юра тоже еще не совсем взрослый.

– Ну и кого ты боишься? Бабу-ягу? Кого там теперь дети боятся? Зомби, может?

– Нет, – Сима затрясла косичками. – Я вообще никого не боюсь.

– А почему тогда в подъезд одна не заходишь?

Уши Симы запылали оттого, что ее так легко раскрыли.

Она остановилась, глядя на Юру с вызовом:

– Это она!

– Кто «она»? – не понял Юра.

– Она! – Сима топнула ногой. – Та штука, что таскает кошек и собак! Она ко мне домой приходила! Она мамой моей притворялась и пугала меня!

– Постой-постой, мелкая! Ты что, слушала, о чем мы там болтали? – Юра положил ладонь ей на плечо. – Брось! Это ж ерунда все! Это игра такая!

Он мягко направил ее дальше, медленно пошел рядом, рассказывая, как несколько лет назад Жан, насмотревшись «Блэйда», повел их ловить вампиров в заброшенное заводское бомбоубежище. Как Серый вычитал в Интернете, что можно перекувыркнуться через пень и стать оборотнем, и как они два дня кувыркались в парке через низенькие, пожеванные гнилью пни. Как они играли в нашествие зомби с мальчишками из соседнего двора, разукрашивали лица и доводили до икоты местных старушек. Он убеждал ее, что пожирателя кошек не существует и самое страшное существо, живущее в этом подъезде, – это Николай Федорович, председатель Совета дома и бывший директор школы. Юра оставил Симу у двери квартиры, сам позвонил в звонок и велел ничего не бояться. Но Сима знала – это не ерунда и не игра. Это все взаправду, и, если не быть осторожной, однажды жуткий невидимка снова за ней явится.

Юрка

Сидеть в пустом дворе, где даже птицы не поют, было неудобно, как на кладбище ночью. Не то чтобы Юрка знал, каково это, но представлял себе примерно так. Вроде бы и день, солнце печет, а все равно не по себе. Дома было не так жутковато, но невероятно скучно. Комп надоел, в Сети стоял полный штиль, телик показывал какую-то ерунду для домохозяек.

Серый, жмот, уехал с родителями в деревню на все выходные, но приставку Юрке оставлять отказался, повез с собой. Вот какой человек ездит проведать бабушку и берет с собой приставку?! Тоху отец потащил на ночную рыбалку. Они предлагали захватить с собой Юрку, но тому эта комарино-костровая романтика совершенно не нравилась. Вся надежда была на Жана, но и тот уехал с семьей в Кондопогу, на юбилей к тетке. Обещался вернуться к вечеру, но то когда еще будет! Скука наваливалась на Юрку серым мешком, неподъемным и пыльным.

Из-под крыши дома донесся грохот кастрюль и слышались звонкие женские крики. Юрка с интересом искал глазами окна квартиры. Пятый этаж, окна кухни открыты, белые занавески полощет ветерок. Скандалили Кабановы – буднично, по издавна заведенной традиции выходного дня. Кажется, тетя Валя распекала дядю Семена за пьянство, дя-

дя Семен вяло оправдывался. Все это было настолько знакомо, что Юрка невольно усмехнулся.

Спустя пять минут дядя Семен выкатился на улицу. Серая от пота и грязи майка кое-как заправлена в треники с лампасами, рваные домашние тапки шаркают по пыльному асфальту. Плешивая макушка ошетибилась венчиком солевых волос, тощую шею оттягивала тяжелая золотая цепь с внушительным крестом, на плече синела старая армейская татуировка, в которой при желании еще можно было разглядеть контуры обнаженной женщины. Дядя Семен гонял фуры в Финляндию и обратно и всегда был при деньгах. Десять-двенадцать рейсов в год с лихвой закрывали все его нехитрые потребности. Пить дядя Семен давно бросил, но изредка давал слабину и срывался.

– Проветрись иди, алкаш! – крикнула из окна покрасневшая тетя Валя.

– Коза! – обиженно крякнул дядя Семен, но тихо, чтобы жена, не дай бог, не услышала.

Вынув из кармана мятую пачку, подцепил сигарету слюнявыми губами и лениво поплелся к скамейке. Заметив Юрку, взмахнул рукой:

– Здорово, шкет! Как жизнь молодая?

– Здоров, дядь Семен. Нормально все.

– Ты дурак, нет? – наигранно обиделся дядя Семен. – Какой я те дядя? Сеня я! Просто Сеня!

Он развалился на скамейке, вытянув длинные мосластые

ноги, ленивый и довольный, как уличный кот, запыхтел сигаретой. Выжженный воздух пронзила резкая табачная вонь. Юрка поморщился, но остался на месте. Ему нравился дядя Семен, его незлобивый взгляд на жизнь, добродушие и умение общаться на равных даже с детьми.

– Чего кричали-то? – спросил Юра. – Тетя Валя пилит?

– Те-тя Ва-ля. – Дядя Семен скорчил злобную рожу. – Ко-за твоя тетя Валя!

– Чего так?

– А того, что мужу! Родному мужу не верит! И кто она после этого?!

Выцветшие глаза его драматично закатились. Он с досады сплюнул под ноги, но тут же, смутившись, затер плевков тапкой. В присутствии Юры сигарету он прятал в ладони и стыдливо дымил в сторону.

– Не женись, шкет, – мудро изрек дядя Семен. – Хотя и то верно; уж если жена не верит, может, серьезно зря я эту гадость пил?

– Так а чего случилось-то?

Дядя Семен любил поболтать. Обычно он и в поводе не нуждался, были бы уши свободные. Но не сейчас. Сухие губы поджались, вытянулись в исчезающе-бледную линию. Пропитанные никотином желтушные пальцы вздрогнули предательски, роняя с сигареты столбик пепла. Бросая на Юрку странные косые взгляды, дядя Семен молчал непри-вычно долго и как-то гнетуще. Когда же наконец решился и

посмотрел прямо в глаза, Юрку проняло до самого копчика.

– Слушай, шкет... ты вот веришь, что бывает чертовщина всякая?

– В колдунов, что ли? – не понял Юрка.

– Ты дурак, нет? В чертовщину, ну? Пара... в как его... в параненормальное веришь?

– Не знаю, – подумав, честно ответил Юрка. – Не встречал никогда...

– И не надо тебе такое встречать, – торопливо закивал дядя Семен. – А то поседеешь раньше времени. Ладно у меня и так волос нет, а и то...

Он взлохматил пятерней редкий венчик, седой уже лет десять как.

– А вы... в смысле ты... что-то видел? – насторожился Юрка.

Вспомнились тут же пропавшие питомцы, про которых рассказывал Жан, и странные шрамы на боках Хана. «Вот оно!» – подпрыгнул от радости внутренний сыщик. По телу разлился сладковатый страх. Как от фильма ужасов, виденного уже тысячу раз, но оттого не менее жуткого.

– Вчера ночью не спал... ну, знаешь, это... Вышел на балкон покурить. Белая ночь, на улице ни души, только на Набережной, слышу, куролесят. В парке листочки шелестят, прохладно так, красота... я уже докурил почти, повернулся, значит, чтоб домой зайти, а там оно... Такая, знаешь, морда... я даже не разглядел толком. Только вижу – зубы, зубы, зубы.

И много так, и острые такие, зар-раза. И так близко ко мне, сантиметров тридцать...

На Юркиных предплечьях дыбом встали волоски. Вспотевшую спину лизнуло далеким холодом. Сжатые в нитку губы дяди Семена разошлись в щербатой улыбке, развеивая страх.

– Честно, струхнул я, аж глаза закрыл с перепугу, и все, что в легких было, все в эту морду прямо и выдохнул. А нечисть – она ж запаха табака не переваривает, ну и слышу, воздухом по лицу мне мазнуло – и по крыше, по крыше так – клац-клац-клац, вроде как ворона когтями. Только здоровая такая ворона. Я тогда глаза открыл – да прямо там и сел. Ноги ватные, трясет всего. До утра заснуть не мог. А утром моей рассказал, а она... ну, сам все слышал... Такая вот петрушка, шкет.

Упавший на землю окуроч дядя Семен старательно затоптал ногой.

– Вот тебе крест, малой, видел эту пакость прям как тебя сейчас, – тихо сказал он. – А эта коза не верит! Ты-то веришь?

– Верю, дядь Сень, верю, – твердо сказал Юрка, спрыгивая с забора.

– Ты дурак, нет? Какой я тебе...

Но Юрка уже не слушал. Развернув бейсболку козырьком назад, он мчался к себе домой, на ходу набирая эсэмэску: «Иду на разведку».

Попасть на чердак можно было из любого подъезда, но сломанный, болтающийся на вырванной дужке замок имелся только во втором. Деревянная, обитая жестью дверь, пропуская Юрку, предупредительно скрипнула. Здесь, в двух шагах от пропахшей пылью тьмы, запахло притух, и слабый огонек его трепетал, держась на одном лишь гоноре. Чертова эс-эмэска, отправленная десять минут назад! В кои-то веки захотелось погеройствовать, стать в глазах всего дома не Юркой-клоуном, а Юркой – победителем неведомой нечисти! Какие теперь найти слова, чтобы объяснить друзьям, почему он вдруг передумал идти в разведку?!

Потную ладонь оттягивала толстая палка с грубой рукоятью – недоделанная бита, выточенная на уроке труда. Жан презрительно называл ее скалкой, но с ней Юрке было поспокойнее. Рассуждая логически, страшила эта, должно быть, не очень крупная. Кошек таскает, собак, но вот с Ханом не сладила, только бока подрала. Да и дядя Семен цел остался явно из-за своих размеров. В то, что тварь боится табачного запаха, Юрка не верил. А уж с тем, у кого силенок хватает только на кошек да мелких шавок, можно и палкой побиться.

Двускатная, обитая железом кровля держалась на толстых, покрытых красной краской балках. Влажный воздух от

идущего снизу тепла и раскаленной на солнце крыши, оседал мелкой росой на висках и над верхней губой. Под ногами проминался утеплитель, обволакивая кроссовки серыми клубами. Пыль была везде: лениво кружилась в падающих сквозь щели лучах, косматой бахромой свисала со стропил, плотным ковром неземных спор облепляла старую мебель, грудой сваленную возле выхода. Юрка ожесточенно тер свербящий нос, боясь неосторожным звуком выдать себя. Фонарик на телефоне включать не стал по той же причине. Впрочем, света, падающего из слуховых окон, с лихвой хватало, чтобы разглядеть даже самые темные углы.

Улица шумела автомобилями, далекой музыкой из кафешек Онежской набережной. Сквозь перекрытия доносились голоса жильцов. Где-то лилась вода, гремела кухонная посуда, бормотал телевизор. Хорошо знакомые звуки отпугивали страх, истончали его. Юрка вытер потные ладони о шорты и взобрался на центральную балку. Ее ширины хватало, чтобы идти, не заботясь о равновесии, а вид оттуда все-таки был получше. Мягко ступая по занозистому дереву, Юрка пристально вглядывался в серый полумрак. Вот это, впереди, человеческий череп? Нет... выцветшая оранжевая каска, забытая монтажниками. А что это за черная тень колышется под самым скатом? Привидится же такое! Всего лишь рваный кусок рубероида... Юрка тщательно исследовал закуток первого подъезда, вновь прошел мимо открытой двери второго и двинулся вглубь чердака. В неизведанное.

Ему хотелось ощущать себя отважным первооткрывателем диких земель, охотником за чудовищами, но чердак был миллион раз исхожен вдоль и поперек, и не было здесь места, способного удивить или напугать. Опасливо заглянув за угол, Юрка миновал третий подъезд. Осторожно переступая через разложенные на пути забытые молотки и клещи, прошел мимо четвертого. Разочарованно глаза по сторонам, остановился у закрытого выхода из пятого. Многообещающее приключение стремительно оборачивалось кромешной скукой. Оставалась надежда, что именно там, за поворотом в последний, шестой подъезд, обустроил свое логово пожиратель домашних питомцев. Крепче стиснув «скалку», Юрка решительно повернул за угол...

Оно действительно оказалось там.

Лежа на балке, скалился желтыми клыками высохший кошачий трупик. Кожа на Юркиных предплечьях пошла мурашками. Тонкие ледяные лапки быстро разнесли их по плечам, спине и затылку. Палка больше не казалась таким уж надежным и грозным оружием. С каждым шагом раздутые ноздри улавливали едва слышный душок тления. Так воняют дохлые вороны и крысы – и, должно быть, кошки. Еще одна мумия, обтянутая бесшерстной серой шкурой, валялась на полу. Клео. Юрка с трудом узнал пропавшую кошку Жана.

Надо было уходить прямо сейчас. Поворачивать и тихонько идти обратно, не забывая оглядываться через плечо. Но Юрка не мог. Смахивая со лба заливающий глаза пот, он

крался вперед, чтобы увидеть наконец, что же за диковинное создание поселилось у них на чердаке. Мальчишеское любопытство пересилило страх.

На полу, утопая в пыли, лежали звериные тушки: голуби, крысы, кошки. Все сухие, как мумии, шкура да кости. Выпотрошенные грачи разбросали черные крылья. Щерились пустоглазые песьи черепа. Их не спасли ни клыки, ни когти. Таинственный зверь оказался сильнее и проворней.

С каждым шагом под слуховым окном проступали очертания чего-то крупного, темного. Солнце мешало разглядеть детали, и Юрка подался вперед, приложив ладонь козырьком ко лбу. Темное нечто шевельнулось лениво, зашуршал рвущийся утеплитель. С колотящимся в горле сердцем Юрка потрясенно уставился на широкое кожистое крыло с кривым зазубренным когтем на конце.

Тварь улеглась, замерла, вновь превратилась в сгусток черноты посреди витающей в воздухе пыли. Невыносимо хотелось ее сфотографировать, но Юрка это желание переборол. Щелчок камеры разбудит спящую тварь, а драться с ней, имея в руках одну лишь палку, не хотелось – существо оказалось крупнее, чем он рассчитывал.

Бесшумно, насколько это возможно, Юрка начал пятиться. Существо больше не шевелилось – похоже, дремало, – но лучше не рисковать. Свернув за угол, Юрка малость успокоился и пошел бодрее. Сердце забило ровнее, убрались, втянулись обратно в кожу проклятушие мурашки. Только бегу-

щий по спине пот оставался неприятно ледяным.

Поминутно оборачиваясь, Юрка миновал четвертый и вновь повернул за угол в третьем подъезде. Впереди уже должен был замаячить светлый прямоугольник выхода, но он все не появлялся. Дыхание сбилось, зашумела кровь в ушах. Этого не может быть, только не сейчас!

– Нет, нет, нет, – шептал Юрка, едва не срываясь на бег.

Спрыгнув с балки, он подскочил к закрытой двери, навалился плечом. Не тут-то было! Дверь скрипнула, но не поддалась. Кто-то закрыл ее снаружи. Дверь, которую никогда не закрывали, кто-то закрыл снаружи! Это было так несправедливо и обидно, что Юрка еле сдержался, чтобы не заплакать. С досады саданул кулаками по нагретому железному листу. Приложил губы к щели между полотном и косяком, позвал умоляюще:

– Эй, есть кто?! Вы меня заперли!

Чертыхаясь и вглядываясь в чердачный полумрак, выудил из кармана телефон. Трясущимися пальцами набил сообщение «заперли на чердаке тут дракон пойду через крышу», отправил друзьям. Помощи от них сейчас не дожидаться, но мало ли... Уходить в самом деле придется через крышу, там есть пожарная лестница. Придется спрыгивать со второго этажа, но это лучше, чем выяснять, сможет ли дракон средних размеров одолеть мальчишку с палкой.

Коротко пиликнул телефон. Юрка открыл сообщение. То-ха писал: «Ты чего несешь какой дракон». Юрка почесал за-

тылок и ответил: «С крыльями». Подумал секунду и добавил: «Пока еще небольшой». Он нажал «отправить», оторвал глаза от мерцающего экрана – и обомлел. Скалка выпала из ладони, глухо потонула в пыли. Дракон оказался не просто большим. Он был огромным.

Непонятно, как такая махина подобралась настолько тихо, но сейчас это было не важно. Подпирая рогатой головой кровлю, дракон раскинул черное полотно крыльев от края до края крыши. Желтые глаза светились голодом и тупой злобой. Матово поблескивала стальная чешуя. И зубы, дядя Семен не соврал – зубы были повсюду: кривые, похожие на щучьи, они торчали в несколько рядов, и меж ними сновали крохотные всполохи оранжевого пламени.

Распахнулась пасть, пронзая влажный воздух тонким, совершенно недраконьим визгом. Парализованный страхом, Юрка едва не проморгал, когда качнулась змеиная голова на длинной чешуйчатой шее. Он отпрыгнул в самый последний момент, откатился в сторону, тут же вскочил на ноги и в два прыжка достиг слухового окна. Разрезая ладони об острые кромки плохо загнутого железа, Юрка подтянулся и вывалился наружу, на обжигающе-горячие, крашенные суриком листы.

От драконьего визга, зависшего на одной высокой ноте, хотелось зажать уши. Поспешно втянув ноги, Юрка поднялся и, как ни был напуган, все же нервно хохотнул. Он перепутал подъезды. Никто его не запирает, открытая дверь бы-

ла чуть дальше. Держась за ограждения, Юрка поспешил к первому подъезду. Там лестница, там спасение, там...

Он совсем забыл, что по пути ему попадет еще одно слуховое окно. Когда из ниоткуда выстрелило темное крыло и зазубренный коготь, ломая кость, вонзился в щиколотку, Юрка не почувствовал боли – одно лишь глупое удивление. Сила удара отбросила его к краю крыши. Под коленки толкнули ржавые перила, и Юрка, не успев испугаться, полетел навстречу асфальту.

Жан

На похороны явился чуть ли не весь двор. Так сложилось, что большинство жильцов знали друг друга если не поименно, то в лицо уж точно. Женщины прикладывали платки к мокрым глазам, мужчины хмурились, скупно перебрасываясь ничего не значащими фразами. У подъезда дремал до поры черный фургон с траурными лентами. Мир казался застывшим куском смолы, липкой и мутной. Не было шума, свойственного большим собраниям. Придавленные общим горем, жильцы разговаривали на пониженных тонах, ходили на цыпочках. Одно лишь солнце весело румянилось аппетитным оранжевым блином. Оно грело всю планету, и в его масштабах потеря одной маленькой жизни значила не много. Мальчишки стояли у фургона, чувствуя странное опустошение внутри. Будто то место, которое раньше занимал неугомонный, язвительный, вредный Юрка, теперь затопило ледяной водой.

– Даже ворон нет, – разглядывая грязные носки кроссовок, выдавил Серый. – Эта гадина и ворон сожрала...

Мимо, ведомые бойкой Клавдией Ивановной, проковыляли две сухонькие старушки из первого подъезда.

– Что за беда такая? Только-только Иван Георгиевич представился... – скорбно кивала одна, с фиолетовыми волосами. – А мальчонка-то молодой какой, ай-яй-яй!

– Високосный год, – многозначительно воздела палец Клавдия Ивановна. – По телевизору показывали передачу – в високосный год всегда много людей помирает. В прошлый високосный у меня четыре подруги померли...

Знойный ветер лениво теребил пожухшие кроны деревьев. На газоне поникла трава. Мальчишки устали. От жары, от непривычных тесных рубашек и отглаженных по стрелочке брюк, от утешительных хлопков по спине, от скорбных лиц. Устали от горя и слез, хотя ни один из них даже под страхом смертной казни не признался бы, что плакал.

– Пошли? – хрипло предложил Тоха.

Жан сосредоточенно кивнул. Серый понурился, пряча глаза:

– Н-не могу! Не могу! Я... я мертвяков боюсь.

Он замотал головой, стыдясь своего страха, не в силах что-либо ему противопоставить.

– Это не мертвяк. Это Юрец, – сквозь зубы процедил Тоха, до белых костяшек сжимая кулаки. – Наш Юрец, слышишь?!

– Не могу, – еще ниже опустив голову, шепотом повторил Серый.

Нависнув над сгорбленным другом, Тоха яростно сжимал кулаки. Жан мягко взял его за локоть:

– Тоха, не надо...

Тоха зло стряхнул его руку, и на секунду Жану показалось, что драки не избежать. Глупой, абсолютно ненужной,

какой-то совершенно детской драки. Но Тоха сплюнул на асфальт и, толкнув Серого плечом, скрылся в подъезде. Жан ободряюще похлопал друга по спине:

– Не кисни, все нормально...

– Ничего не нормально, – грустно вздохнул Серый. – Но я правда не могу. – Он помялся, теребя ворот рубашки. По-красневшие глаза его влажно блестели. – Простись там за меня, ладно?

– Ладно, – очень серьезно кивнул Жан и нырнул в подъезд следом за Тохой.

* * *

Жан бывал в этой квартире миллион раз. Наверное, смог бы с завязанными глазами пройти в любую комнату, кроме спальни Юркиных родителей. В этой прихожей, встречаясь, мальчишки крепко, по-мужски, жали друг другу руки. На этой кухне была съедена, наверное, тонна бутербродов и выпито сто литров чая. В этой комнате они часами играли за компьютером, смотрели кино, делали домашку и стояли на ушах. А теперь здесь стоял гроб.

Мрачные взрослые ходили по квартире как тени. Вся в черном, стояла на балконе Юркина мама, похожая на смерть. Жан был рад, что не видит ее постаревшего лица, не видит красных, до дна выплаканных глаз. Он бы с радостью ушел отсюда, смалодушничал, как Серый, но Тоха клещом вце-

пился в его запястье и тащил за собой. Понурые взрослые тени разлетались с их пути. Страшный гроб делался все ближе и ближе.

Жан старался не смотреть, но все же увидел краем глаза – неестественно бледного, в каком-то нелепом пиджаке, в галстук-бабочке. Да Юрка в жизни так не одевался! Жан зажмурился на секунду, представляя, что это просто кукла, манекен, а все происходящее – дурная шутка, до которых Юрка большой охотник. Но убитые горем люди, и согнутая спина Юркиной мамы, прячущей лицо в тонких дрожащих ладонях, и траурные ленты, букеты, свечи, тихие всхлипы – и сладкий тяжелый запах, – все это было настоящим, ужасным непоправимым настоящим.

Сложенные на груди руки Юрки оказались холодными и пластиковыми на ощупь. Жан словно потрогал покрытое воском яблоко, вынутое из холодильника. От этого сравнения его замутило, и он схватился за край гроба, чтобы не упасть. Откуда-то вынырнула крепкая рука, обхватила его за пояс и уверенно потащила прочь, подальше от этого кошмара, невесть как ставшего явью.

Поддерживаемый Тохой, Жан вывалился из подъезда, жадно хватая свежий воздух без примеси запаха смерти. Облокотившись на забор детской площадки, он глубоко дышал, унимая подползающую тошноту. Длинные волосы шторками повисли по обе стороны лица, скрывая его зеленоватый цвет. Тоха хлопал Жана по спине, дрожащим голосом бор-

моча что-то утешительное:

– Все хорошо, старик, все хорошо... я сам чуть в обморок не грохнулся... это все потому... это душно там просто, вот че...

Подошел Серый, смущенно переминаясь, встал рядом:

– Жан, ты как?

Жан оторвался от пахнущего нагретым металлом забора. Глаза его слезились, Серого он видел как сквозь пленку.

– Правильно сделал, что не пошел, – выдавил он. – Нечего там делать.

Что-то проворчал Тоха. Судя по тону, он был согласен, но признавать это напрямую не собирался. Серый подошел поближе, положил ладонь Жану на плечо:

– Что будем делать, пацаны?

– Что-что, – буркнул Тоха. – Ясен пень, полезем на чердак, найдем этого дракона и башку ему оторвем!

– Не полезем, – Серый помотал головой. – Не знаю, как у вас, а в моем подъезде старую чердачную дверь сегодня сняли и поставили новую, железную.

– Ну и что? – не понял Тоха. – Спилим замок и...

– Ты не понял? – перебил Жан. – Взрослые там были. Целая толпа взрослых. Они весь чердак перевернули и не нашли там ни фиги! Ну спилишь ты замок – а дальше что? Какой толк от этого, если там уже нет никого?

– Баба Клава трепалась, что там кучу зверья нашли, – тихо сказал Серый. – Всех наших потеряшек. И птиц еще...

– Знаю... Ох, Жанчик, там же и Клеопатра ваша, и Альмочка моя. – Жан скривился, передразнивая скрипучий голос Клавдии Ивановны. – Она думает, что это Юрка. Они все думают, что это Юрка...

– И что теперь? – помолчав, спросил Тоха. – Не искать? Забыть про все? Пусть дракон этот, или что там... пусть дальше кошек таскает?

– А как ты предлагаешь его искать? Объявления по городу расклеишь?

Тоха и Жан переглядывались зло и беспомощно. Серый задумчиво покусывал ноготь большого пальца.

– Знаете, пацаны... А что, если он по-прежнему там?.. Ну, вдруг взрослые его просто не видят, а?

Друзья молчали, обкатывая странную, пугающую мысль. Широкие плечи Тохи дернулись, и он выпалил:

– Давайте решим, – вот прямо сейчас решим! – кому мы верим?!

– Чего тут решать? – Жан неловко отвел глаза. – Мы верим Юрке.

– Он хоть и балабол... был... но кошек этих точно не он убил, – поддержал Серый. – Взрослые могли что-то проглядеть, не придать значения...

– Значит, – с нажимом продолжил Тоха, – нам все-таки придется подняться туда самим. Все обшарить, все разнюхать и понять, что это за дракон такой. Надо выждать недельку, чтобы все успокоились, перестали за чердаком следить,

и наведемся туда...

– А если мы ничего не найдем? – неуверенно пробормотал Серый. – Что, на этом все и кончится?

– Нет, не кончится. – Жан задумчиво ковырнул землю носком туфли. – Мне кажется, все только-только началось.

Серый

Это казалось невероятным, но следы Юркиного убийцы действительно отыскиались с помощью объявлений. Вечером, когда спала жара и с Онеги потянуло долгожданной прохладой, Серый вышел на улицу с планшетом под мышкой. Вид у него был на редкость самодовольный, но он все же терпеливо дождался, когда на площадку выползет хмурый Тоха и вернется с тренировки Жан. В тени пластикового грибка Серый триумфально уложил планшет на колени. Пальцы вернули экран к жизни, раскрыли заранее подготовленную страницу городского форума.

– И чего? – хмыкнул Тоха недовольно. – Ты нам объявления читать будешь?

– Сам читай, блин, – обиделся Серый. – Или буквы забыл со своей качалкой?

– Да тихо вы! – поспешил вмешаться Жан. – Что там у тебя? Что это?

Серый все буравил Тоху обиженным взглядом, но тот и сам понял, что перегнул, и помалкивал. Без Юрки на площадке ощущалась незнакомая ранее пустота. Не хватало его болтовни и подколок, кривой ухмылки и скептически изломанных бровей. Слишком тихо, слишком много свободного места, которое раньше умудрялся занимать один Юрка. Оттого и цеплялись друг к другу ребята, неосознанно пытаясь

вернуть потерянную атмосферу дружеского подтрунивания.

– Ладно, замяли... – сказал наконец Серый. – Короче, это объявления о пропажах кошек, собак, всякой домашней живности. Вчера, перед сном уже, как молнией ударило! До двух ночи в Сети просидел, пока мамка в кровать не загнала. Вот зацените: «Разыскивается собака, порода пудель». А вот еще: «Пропала собака, пекинес». Улавливаете?

– И че? – не удержавшись, встрял Тоха.

– Через плечо! На дату смотри!

– Ну? Так это почти месяц назад было, в мае еще.

– Ой, какой наблюдательный! – пропищал Серый язвительно. – А теперь адрес смотри, Шерлок!

– Ну, Ригачина, дальше что?

– Вот дальше и смотри, баран!

– Щас за барана кому-то в рог дам, – пообещал Тоха.

– Хорош лаяться, серьезно. – Жан примирительно поднял руки. – Ну пропала псина на Ригачина? Там же заросли вдоль озера. Чудо, что люди не пропадают.

– Дальше, дальше читай! – Серый нетерпеливо постучал пальцем по экрану. – Вот Ригачина! И вот Ригачина! И снова – улица Ригачина! Пудель, пекинес, кокер-спаниель, опять пекинес... И все в мае! Одних собак восемь штук пропало, а вы тут мычите – что дальше, что дальше!

– Маленькие все! – сообразил наконец Тоха. – Слышь, Серёня, а ведь это в самом деле след!

– Я, между прочим, так и сказал! – все еще сердито про-

ворчал Серый. – Кошек там тоже валом пропало. И еще попугай. Но этот мог и сам улететь. А еще вот...

Пальцы с обкусанными ногтями открыли новую страницу. Сайт «Столица на Онеге» кричал ярко-алым заголовком «На улице Ригачина пропадают собаки и кошки. Местные жители подозревают сектантов-сатанистов». Серый быстро проскроллил вниз, до картинки с огненной пентаграммой, явно вырезанной из какого-то фильма.

– Так-то там ерунда всякая. Одна бабка видела подростка в капюшоне. Кто-то в подъезде перевернутый крест нарисовал. Какой-то мужик тоже что-то там видел, то ли лужу крови, то ли краску кто пролил, не понять. Короче, никого, ясно-понятно, не нашли, а потом зверье перестало исчезать и все про это дело забыли...

– У них перестало, значит, а у нас началось, так, что ли? – Тоха наморщил веснушчатый лоб.

– К нам перекечовало, – кивнул Жан. – Смотри: если по Ригачина двигаться, получается очень удобно. Самый край города, с одной стороны – дома, с другой – уже парки, заросли всякие, а за ними Онега. Может, он среди деревьев прячется, а в город кормиться залетает?

– С каких это пор оно вдруг летает? – удивился Тоха.

– Юрец, – горько напомнил Жан. – Юрец написал, что дракон с крыльями.

Вновь стало тихо и неуютно. Под грибком вяло кружила одинокая, сомлевшая на жаре муха. От песка под нога-

ми поднимался запах раскаленной пустыни. Серый отключил планшет, зачерпнул песок носком сандалии:

– И что это нам дает?

– У меня есть кастет, – невпопад ответил Тоха.

– Что ты несешь?! Какой кастет?! – выпучил глаза Серый.

– На Зареку пойдём, к Колену. Он как раз на Ригачина живет, и половина его шайки тоже. Поговорим – может, расскажут чего по делу.

– Поговорим... – автоматом повторил Серый.

Загар его стал бледнее на несколько тонов. Зубы вцепились в обгрызенный до мяса ноготь. Вожака пацанов с нижней Зареки звали Толиком. В том смысле, что звали его так мама и бабушка, и то не наверняка. Для пятнадцатилетки он был невероятно огромен и прозвище свое заработал в многочисленных драках. Толик любил добивать противника коленом.

– Серьезный замес. – Жан задумчиво теребил подбородок, поглаживая несуществующую бороду. – Вот что... не бери кастет. Без ничего пойдём.

– Без ничего... – вновь повторил Серый.

Грядущая перспектива самостоятельно искать встречи с Коленом замкнула в его мозгу какой-то контакт.

Тоха

Улица Ригачина вытянулась вдоль озера, но красивыми видами похвастать не могла. Отделенная от темного глянца Онеги производственными зданиями и неухоженными зарослями, она выглядела именно тем, чем и была – пыльными запущенными задворками. Отсюда было рукой подать до шумного центра и забитой туристами набережной, но Ригачина существовала как бы вне городской жизни. Здесь не светились завлекательные вывески клубов, сюда не водили приезжих, а дорога выглядела так, словно ее не ремонтировали со времен Великой Отечественной. Даже местные, казалось, не жили здесь, а обитали, готовые в любой момент сорваться и переехать.

По-настоящему родным это место было только мальчишкам, живущим в домах по четной стороне улицы. Замусоренные заросли стали их джунглями, а берег озера – пиратской бухтой. Они знали по именам всех окрестных сторожей и спросонья могли наизусть отбарабанить расписание их дежурств. Где моют бутылки бомжи и где вырыла нору беременная бездомная овчарка, в каком подлеске растут кусты смородины и во сколько по дороге проезжает последний троллейбус – для неугомных маленьких исследователей на родной улице не было тайн и загадок. За своих они стояли горой, а случайно забредшим на их территорию чужакам не

давали пощады. Идти сюда втроем, да еще и с пустыми руками, было чистым безумием. Потому Тоха все же прихватил с собой кастет.

От гостиницы «Карелия» они прошли дворами, заглядывая на детские площадки, забираясь в подвалы, проходя насквозь заброшенные дома. Шаг за шагом они исследовали все места обитания местных хулиганов. Здесь тоже не было птиц, и это сразу бросалось в глаза. Лишь однажды они встретили одинокую ворону, уныло клевавшую пустую пачку из-под чипсов и косившуюся на чужаков умным черным глазом. На площадках сидели скупающие мамочки с колясками, у подъездов вросли в скамейки вечные бабушки, провожающие мальчишек подозрительными взглядами. Коленовской ватаги не было нигде, и Тоха начинал нервничать. Запал, с которым он подбил всех идти на чужую территорию, потихоньку угасал. Кастет, свинцовым весом оттягивающий задний карман, больше не придавал уверенности. Хотелось воспользоваться случаем и уйти, не потеряв лицо, но в этот миг к ним, застывшим в растерянности посреди очередного двора, обратилась дородная старушка, протирающая лавочку в тени куста сирени:

– Вы, поди, Толика ищете?

– А? – Тоха не сразу понял, о ком идет речь.

– Полчаса назад убежали. Он своих бесенят в кусты повел. – Старушка многозначительно покачала головой на толстой шее. – У них там халабуда. Точно-точно!

Слушая, как Жан от лица всех вежливо благодарит старушку, Тоха едва сдерживался, чтобы не наорать на глупую каргу. Так не вовремя сунуть свой длинный нос туда, куда не просили, это надо уметь! Он тоже кивнул – в знак благодарности, которой не испытывал. Не скрывая разочарования, горестно застонал Серый. Деваться было некуда, мальчишки перебежали дорогу и скрылись в зарослях, плавно уходящих на улицу Онежской флотилии.

Буйное сплетение веток и некошенной травы не имело названия. Не парк, не сквер – остаток дикого леса как он есть. На кустах, траве и ветвях деревьев серебрились нити паутины, с повисшими нотами росы. Под ногами то чавкали размокшие листья, то хрустел валежник, то поскрипывала сухая утоптанная тропка. Птиц и здесь было пугающе мало. Высоко-высоко, теряясь в кронах, тоскливо чивиркала крохотная пичуга, да еще, отвечая ей, хрипло каркала ворона. Зато ребята видели белку, похожую на облезлую крысу с очень пушистым хвостом.

Тоха пер тараном, отводя руками ветки, проламываясь сквозь высокую, почти по самую грудь траву. Неимоверно чесалась кожа, и в голову лезли непрошенные мысли о клещах, но по зрелом размышлении Тоха приходил к выводу, что в свете грядущей встречи с Коленом возможные клещи – наименьшая из проблем.

Заросли раздались внезапно. Проломив частокол кустов, Тоха вынырнул на открытое пространство, отплевываясь и

смахивая с лица налипшую паутину. Сперва он заметил ее – халабуду, невероятное сооружение из досок и толстых палок, прилипшее к старому тополю болезненным наростом. То ли шалаш, то ли вигвам – обшитая фанерой, картоном и кусками полиэтиленовой пленки халабуда возвышалась над землей на добрых три метра и служила ригачинским пацанам штабом, местом для игр, укрытием от дождя, а иногда и настоящим домом. По крайней мере пара босоногих, вихрастых, карамельно-смуглых то ли от загара, то ли от грязи выглядела так, словно жила здесь не первый день. Лишь сейчас Тоха увидел их – увидел их всех – и невероятным усилием воли подавил трусливое желание юркнуть обратно в кусты.

За спиной, неохотно расступаясь перед Жаном, зашумели кусты. Не оборачиваясь, Тоха почувствовал, как друг сбился с шага, но все же подошел, встал рядом, плечом к плечу. Тоха скосил глаза – губы Жана беззвучно шевелились, подсчитывая противников. Пятерых, вместе с Коленом, хватило бы за глаза. Но вокруг сложенного из веток костерка сидело человек двенадцать, не меньше.

Трое старших, в шортах и футболках, устроились на поваленном стволе березы, лениво перекидываясь в «дурачка» замусоленными старыми картами. С ними сам Колено, похожий на огра среди гоблинов – бритый наголо, с уродливым белым шрамом, навсегда приподнявшим левую щеку в недоброй ухмылке. Еще трое ремонтировали южную стену халабуды, скотчем заклеивая драный полиэтилен, прико-

лачивали ржавыми гвоздями рассохшиеся доски. Кучка малышни лет десяти возилась у самого костра, вырывая друг у друга бутылку газировки. Они так и застыли, забыв о дележке, круглыми от изумления глазами разглядывая невесть откуда взявшихся чужаков. А еще кто-то невидимый возился в самой халабуде.

Вновь затрещали кусты, выплюнув изжеванного Серого. Тот вывалился на поляну, едва не упал, запрыгал на одной ноге, исцарапанными руками отряхивая рубашку. Наконец огляделся вокруг и тихо ойкнул. Этот испуганный возглас вернул онемевшую от такой наглости банду Колена в реальный мир. Все разом подобрались, напряжинились. Один из старших, видно чином пониже, с готовностью соскочил с бревна, вразвалочку направился к ребятам. На его недоверчивой физиономии непонимание боролось с желанием выслужиться. Наигранное презрение светилось в глазах, губы, подражая жожаку, кривились в нехорошей усмешке, хрустели костяшки разминаемых пальцев. Но нет-нет, а взгляд его вдруг срывался, начинал обшаривать кусты в поисках засады.

– Оп-па-ся... – деловито протянул кто-то из мелюзги. – Ща Рыба им заяснит, че почем...

– Шнобель! – не отрываясь от карт, гаркнул Колено.

Услышав это, из халабуды выбрался тощий носатый мальчишка. Увидел чужаков, моментально оценил обстановку и юркнул в заросли на другой стороне поляны. Через мину-

ту голос его звонко возвестил, что незваные гости пришли втроем и больше никто по кустам не таится. Колено безразлично пожал плечами и шлепнул на бревно бубнового вале-та. Сидящий рядом мальчишка почесал облезлый нос и отбился тузом. Бутылка с газировкой осторожно пошла по рукам, младшие готовились к зрелищу. Строители отложили инструменты, похватали лежащие на земле палки. Осмелевший Рыба подошел вплотную, демонстративно сплюнул То-хе под ноги:

– Че, заблудились, девочки?

Малышня одобрительно заулюлюкала, зафыркала, давясь газировкой. Тоха хмуро сверлил шестерку взглядом. Он мог вырубить его с одного удара, и, будь один, давно бы так и сделал, а дальше будь что будет. Но плечом к плечу с ним стояли друзья, и Тоха наступил гордости на горло.

– Мы к Колену пришли, – громко, чтобы услышал вожак, сказал он. – Разговор есть.

Колено никак не отреагировал, задумчиво разглядывая лежащие на бревне карты. Кастет в заднем кармане перестал казаться грозным оружием. По совести сказать, Тоха им ни разу не пользовался и полагал, что от простой палки толку сейчас было бы больше.

– А ты кто такой вообще?! Кого знаешь?! – пошел в наступление Рыба. – Ты Колену родственник, что ли? – Он обернулся к вожаку и заискивающе позвал: – Толян, тут к тебе типа в родню набиваются!

– Не знаю таких, – снимая с колоды верхнюю карту, промычал Колоно.

– Во, слышал, ты... – начал было Рыба, но наткнулся на Тохин взгляд и подавился заготовленным ругательством.

Тоха и сам чувствовал, как глаза наливаются кровью, как шумят в висках, мешая думать, гулкие молоточки. Рыба выводил его из себя. Как наяву, виделся Тохе собачий хвост, которым тот вилял, стараясь угодить жожаку. Едва сдерживаясь, чтобы не выбить шестерке зубы, Тоха так сосредоточился на себе, что совсем позабыл о друзьях и потому немало удивился, когда вперед шагнул Жан:

– Чего вы балаган разводите? Сказали же, серьезный разговор!

Рыба тут же обрадованно переключился на противника поменьше:

– Слышь, патлатый, а тебе кто варежку разевать позволил?

– Тебя не спросил. – Жан выпятил грудь колесом, сжал кулаки.

– Фигассе! – Рыба прищурился, точно только заметил. – А ты еще и с серьгой? Ты че, баба, что ли?

Тоха мысленно выругался и попытался ухватить друга за руку, но не успел. Коротко, без замаха, Жан ткнул Рыбу кулаком в лицо. Рухнув на утопанную землю, Рыба заныл, прижимая ладонь к расквашенному носу. Поняв, что мирные переговоры провалились, Тоха нацепил кастет. Хотелось

наорать на самого себя за тупость и недалёковидность. Следовало идти одному, как бы ни было страшно. Одному был шанс избежать драки. Соваться в это логово с Жаном и Серым было все равно что принести с собой две мишени.

Поляна взорвалась. Загалдели недовольные мальки, вскопали с мест, бросив недопитую бутылку. В чумазных руках, как по волшебству, появились палки и обломки камней. Слаженно бросились вперед строители. Спрыгнули с насиженных мест телохранители Колена. Лишь сам главарь оставался на месте, брезгливо усмехаясь начавшейся суете, да побитый Рыба отползал, бережно держась за кровавый нос.

– Жан, твою ж дивизию! – укоризненно ругнулся Тоха.

Плечом к плечу они ждали, когда их накроет волна первой атаки, и понимали, что эта атака будет и единственной. Ни сбежать, ни отбиться – ни единого шанса. И в этой суете как-то совсем выпал из внимания Серый.

– Хватит! Хватит! Стойте!!!

Он выскочил в центр, едва не наступив на ногу все еще лежащему на земле Рыбе. Срываясь на фальцет, голос Серого на мгновение перекрыл даже галдеж младших. Тощий, нескладный, в отглаженной рубашке с воротником-стойкой, выглядящий невероятно глупо и максимально нелепо, Серый стоял, размахивая руками, как ветряная мельница. Такой пронзительностью веяло от его крика, что атака захлебнулась, распалась на части, застыла, недоуменно разглядывая безумного самоубийцу.

– Прекратите! У нас друг погиб! А вы... Как вам не стыдно!

Тишина разлилась по центру поляны, убегая от потрескивающего костерка. Тоха слышал, как гудит застрявший в кустах шмель. Ригачинские переминались с ноги на ногу, смущенно поглядывая друг на друга. Тоха осторожно потянул Серого за край рубашки, но тот раздраженно отмахнулся. Лицо его пылало праведным гневом, только кончики ушей белели окалиной. Впервые Тоха видел друга таким злым и бесстрашным. Жан тоже смотрел на Серого как на некую диковинку, вроде козы с двумя головами.

– И че? – тупо спросил один из строителей.

Над поляной пронесся шепоток. Все вдруг подумали: «А вправду, и че?» Пролетел и канул в кустах, хрустя мелкими ветками, обломок кирпича – Тоха едва успел отдернуть голову. Палки засвистели, рассекая воздух. Носатый малек Шнобель заголосил, как индеец. И в этот момент с бревна поднялся Колено.

– Ну харэ, да?! – рявкнул он, и все разом притихли.

Даже шмель в кустах решил, что выберется чуть попозже. Даже костер как будто стал потрескивать тише. Шлепнув карты на бревно, Колено тяжело пошагал к нарушителям спокойствия. Массивный, как шкаф, и такой же тяжелый, он возвышался над своей бандой на полторы головы. Тохе подумалось, что такого не свалить даже кастетом. Разве что каким-нибудь стенобитным орудием из книжек Жана. Воз-

никло острое желание заслонить собой тщедушного Серёню, встать на пути великана, но Тоха знал – нельзя. Каким-то чудом Серый остановил бойню, спас их шкуры от множества синяков и шишек, а может, и от чего похуже. Не стоило разрушать хрупкий мир.

– Как он умер?

Колено навис над Серым, как скальный уступ, – вот-вот обрушится и погребет под тоннами породы. Толстые предплечья скрестились на широкой груди. Банда затаила дыхание. Чтобы заглянуть Колену в лицо, Серому пришлось запрокинуть голову. Но смотрел он смело, с вызовом:

– Его убило что-то... нечто... Сначала оно всех собак и кошек перетаскало, а потом Юрец его нашел, и... Оно его с крыши столкнуло, чтобы все подумали, что он сам упал. А он не падал! Этот... эта... штука эта – она его убила!

Поначалу сбивчивый, рассказ Серого выровнялся, побежал стремительной речкой. Ригачинские слушали молча, и на их бледных лицах Тоха читал узнавание. Беда была у них, беда их коснулась – этого нельзя было не заметить. Даже Рыба, кое-как утерев кровь с лица, смотрел на ребят с сочувствием.

– Пошли.

Колено мотнул бритой головой, указывая направление, и двинулся за халабуду. Осторожно, поглядывая на расступившуюся банду, мальчишки гуськом потянулись за ним. Стоило чужакам уйти, как маленький лагерь зажил своей обыч-

ной жизнью. Застучал молоток, лихо зашлепали замусоленные карты, тонкие голоса мелюзги заверещали, требуя «отдать газяву».

Шли недолго, минуты две-три. С нового места хорошо просматривался лагерь, но звуки долетали приглушенно. Здесь было почище – ни валежника, ни поваленных деревьев, даже трава как будто... Тоха пригляделся внимательно – так и есть, траву недавно стригли. Неаккуратно, чем попало, желая хоть как-то облагородить именно этот участок леса. Почему? Что-то было в нем такое неправильное, но Тоха никак не мог уловить, что же. Колено нагнулся, голой рукой выдрал кустик крапивы – даже не ойкнул – и отшвырнул в сторону. У его ног лежал увесистый валун, с криво намалеванным оранжевой краской словом.

«БАРСИК», – прочел Тоха, и все тут же встало на свои места. В разных местах небольшой поляны торчали камни, сложенные из кирпичей пирамидки, кресты из веток. Все с именами мертвых питомцев. Всего могил десять-пятнадцать, с мисками-плошками, оберегами из веток и ниток, резиновыми игрушками и пластиковыми косточками. Возле молоденькой ели, забившей всю окрестную траву, высился небольшой могильный холмик, украшенный листьями, увядшими одуванчиками и цветными лентами. Поверх высохшей земли крупной галькой выложили:

ЦЫГАН

– Барсик – это наш, дворовый котяра был. Мы его в натуре всем двором подкармливали. Он самый первый пропал, еще в начале апреля, – гулкий голос Колена рассказывал ровно, бесстрастно. – Тогда еще потеплело резко так. Ну, мы решили, что он загулял, типа даже не парился никто. Ну, пропал и пропал, шут с ним. Потом у Гарика кошка исчезла, Хлоя. Ну тоже, подумали, сбежала, бывает, че. А потом понеслось. День через день – то кошак исчезнет, то шавка какая-нибудь.

– Птицы? – уточнил Тоха.

– Я тебе больше скажу – и птицы, и крысы еще. – Колено кивнул. – Это мы после все вместе связали. Первое время на бомжей думали, даже вломили парочке, чтобы не ошивались тут. В газете про сатанистов писали, только это все лажа. Нет у нас тут никаких сатанистов и не было никогда.

Свои эмоции Колено скрывал мастерски. Но, видно, тема была для него болезненной, нет-нет да прорывались наружу затаенная злость и обида. Тогда до хруста в костях сжимались кулаки-кувалды, а косматые брови угрожающе надвигались на переносицу.

– Потом уже начали замечать всякое... Она ведь дерзкая, зар-р-раза. Ей нравилось, что мы за ней носимся, носом землю роём. Игралась она с нами так, типа... Под конец так уже просто издевалась. Начала нам трупы подкидывать, прямо в лагерь. Приходим раз – а тут тушка Барсика, сухая, как мумия. Мы его только по уху узнали, оно у него очень примет-

ное, рваное такое... было... Сидим в засаде день – ни черта. На ночь расходимся – с утра новый подарочек. Мы все обшарили, чтобы эту тварь выловить, но ее ж не найдешь так просто...

– Колено, – осторожно спросил Тоха, – а почему «она»?

– Наш друг, тот, который умер, видел дракона, – встрял Серый.

– Дракона? Сам-то понял, что сказал?! Драконы – они вон какие! – Колено дернул левой половиной лица. – Мы все подвалы обшарили, все чердаки, все заброшки. Весь лес прочесали. Какой, в баню, дракон?! Где ему тут спрятаться? – Он помолчал, собираясь с духом. Чувствовалось – то, что он собирался сказать, давалось ему непросто. Голосом неожиданно тихим Колено сказал:

– Это ведьма, пацаны.

Переспрашивать было рискованно: Колено запросто мог обидеться, а обидевшись – полезть в драку. Но они пришли сюда, чтобы узнать о чудовище как можно больше, и принимать на веру первые же слова... в общем, Тоха рискнул:

– Откуда знаешь?

Колено, против ожидания, психовать не стал, кивнул понимающе:

– Мелкие из ватаги ее видели. Не все, но некоторые, и не по одному разу. Я ее и сам видел, ночью.

Он замолчал, деловито сунул руки в карманы, но Тоха успел заметить, как трясутся его пальцы. Это казалось неве-

роятным, но Колено, в одиночку выходявший на пятерых противников, боялся. И ведь немало времени уже прошло, не вчера все случилось, однако воспоминания оказались настолько яркими, что Колено побледнел, как покойник. Тоха заметил это, несмотря на загар и грязь.

– Встал как-то ночью, башка чугунная, пить охота, да и в туалет надо бы. Пока все свои дела сделал, проснулся немного, ну и думаю – а чего меня разбудило-то? Слышу, по окну ветка скребет, противно, аж мураши по спине. Так скрррр! – и тук-тук-тук, постукивает. Ну, думаю, надо окно открыть да отломать ее к чертовой бабушке. И полез же, слышь?! Полез, первую раму открыл. Потом думаю – стопэ! Какая, на фиг, ветка?! У меня пятый этаж, а все высокие тополя еще в прошлом году спилили! Я к стеклу прислонился... а оттуда она! Вниз головой висит, пялится на меня. Глаза красные, зубы кривые, слюнявые, морщинистая, как шарпей. И воот настолечко от меня!

Толстые пальцы с нестриженными ногтями показали крохотный зазор, в который едва ли пролезло бы лезвие ножа.

– Я чуть в штаны не наделал. Все не мог понять, как я ее не заметил – ведь все же на ладони, а она прям к стеклу прилипла, и слышу, вроде как в голове у меня стук ветки этой, и мысль одна и та же: надо открыть окно, надо открыть окно, открыть окно и сломать чертову ветку. И руки, слышь?! Руки сами тянутся к шпингалету!

Последние фразы Колено практически кричал, схватив

Тоху за плечо и брызгая слюнями. По пальцам его сбегала дрожь, передавалась Тохе, и он невольно заразился страхом той апрельской ночи, тоже затрясся, представляя, как жутко, должно быть, когда тебя заставляют делать что-то против твоей воли. Наконец Колено притих, закончил чуть ли не шепотом:

– Не знаю, почему я ей не открыл. Реально не знаю. Стою ни жив ни мертв, а сам глаз оторвать не могу. Тут она по ходу поняла, что я ее вижу, и такая раз! – и пропала! Так что ведьма это, пацаны. За базар отвечу – ведьма. Я если до старости доживу и помирать буду, то и тогда эту рожу страшнолюдную вспомню.

Тоха в смятении потерял нос. История отдавала сильнейшим бредом и, расскажи ее кто другой, не вызвала бы ничего, кроме недоверчивой усмешки. Имело значение еще и то, как рассказывал Колено и как он при этом выглядел. А выглядел он неважно. Ну и самое главное – Юрка... нужно было искать любые зацепки.

– Так это... кхम्म... ведьма. – Тоха не знал, куда глаза прятать. – Как вы ее прогнали?

– Никак. – Колено невесело усмехнулся. – Она сама ушла. Грохнула Цыгана и пропала, будто ее не было никогда. Я думаю, она на зверье мелком отъедалась, силы набирала, а потом на крупную дичь перешла. Она ведь неспроста ко мне тогда приходила. И вокруг мальков не просто так ошивалась.

Тоха похолодел от внезапной догадки. Челюсти свело,

язык онемел, со дна желудка поднялась едкая горечь. Оцепенели и Жан с Серым, словно их парализовало. Безумные слова «дичь покрупнее» стучали в голове. Не может быть, этого не может быть, этого не может... В одной из могил лежала не собака, не кошка, не попугайчик, не золотая рыбка и не хомяк. В одной из могил лежал...

– Цыган – он кто был? – как сквозь вату услышал Тоха собственный голос.

– Малек детдомовский. Летом сбегал от них постоянно и с нами тусовался. Иногда по нескольку дней здесь жил. Лет девять ему было, что ли... Вызвался в одиночку ночью покартаулить. Вот как мумий в кино показывают, вот такой он был, когда мы его нашли... Ведьма его высосала. Вчистую.

Колено присел у могилы, поправил пару камешков. Тоха смотрел сквозь него. Перед глазами мелькали телевизионные новости, фотографии в газетах и репосты «ВКонтакте», с которых улыбался маленький лопухий мальчишка с глупой короткой челкой на обритой голове. Смуглый, белозубый, он и впрямь походил на цыганенка. Больше месяца его искал весь город – полиция, охотники, волонтеры... а он все это время был здесь. В неглубокой яме, присыпанной землей и камнями.

* * *

В обратную сторону их провожал Шнобель. Оказалось,

если не переть буром, можно отыскать вполне удобные тропки, натоптанные ватагой за долгие годы игр в штабе-халабуде. Вся дорога заняла не больше десяти минут, и после нее не пришлось вычесывать из волос листву и паутину. Тоха едва ли замечал все это, двигался на автомате, вслед за проводником подныривая, перепрыгивая, придерживая ветки. Из головы все не шли последние слова Колена. Тоха предложил им поквитаться с тварью всем вместе. Ригачинские были грозной силой, и никакому чудовищу, будь оно ведьмой, или драконом, или даже чертом лысым, не устоять против толпы диких, любящих и умеющих драться мальчишек.

Тоха предоставил говорить Серому, и тот рассказал все как надо. Про кошек, и про Хана, и про Юрку еще раз, хотя это было чертовски, почти физически больно. Главное – донес, не расплескал: им известно, где тварь устроила логово. По крайней мере, где оно было раньше. Но на Колено это не произвело ровно никакого впечатления. Бритая голова качнулась из стороны в сторону, взгляд спрятался между стоптанных сандалий, зарылся в прошлогодние листья и хвою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.